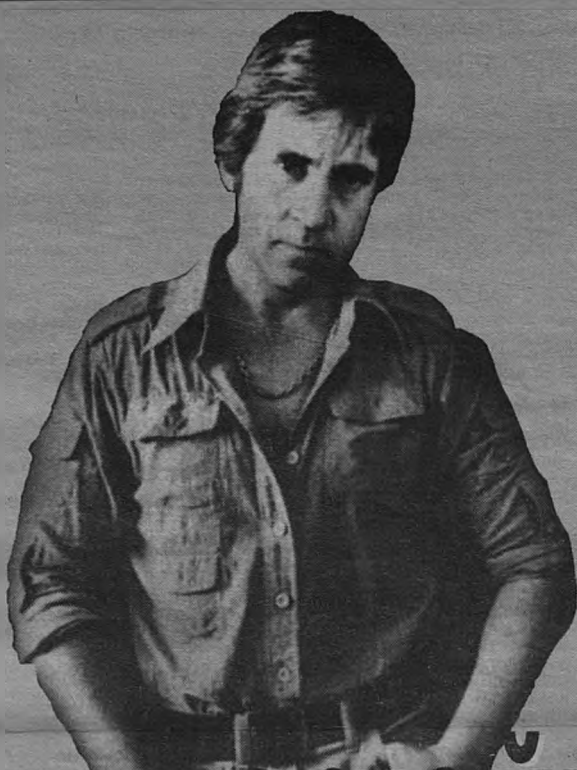

Ведущая Диляра ТАСБУЛАТОВА

Высоцкого Людмилу Абрамову — помещает ради длинного, тяжелого, разрывающего душу монолога, в который, кажется, вмещается целая эпоха с ее романтикой, безытностью, невыносимой ночью разделенной с гением судьбы; судьбы, принятой целиком — ведь, как известно, Людмила поняла и новую романтическую страсть Высоцкого, отошла в тень, оставшись с двумя детьми на руках. То, что ранит в «Зеркале» Тарковского, воплощенное в одном-единственном кадре, символизирующем вечное ожидание, — Мария вглядывается вдаль, мечтая о невозможном, — ранит и здесь, в этом горьком монологе: мы ведь больше знаем об источнике поэтического вдохновения Высоцкого Марине и как бы не желаем знать о «скучной» первой жене.

Поэтическая же судьба — вся, в целом, без купюр и стыдливых эвфемизмов — состоит не только из порывов и страстей, но и из ежедневного, жертвенного труда, порой даже из невыносимости бытия, жизни на пределе. Вот эту-то жизнь на последнем дыхании с ним разделили две

НЕДОСТОЙНАЯ СКОРЬ ВЕДЕТ К ПОТЕРЕ ПАМЯТИ

*Новая газета, 1988,
- 3-9 авг. - с. 7*

Какой — кроме Высоцкого — русский поэт мог бы посмертно удостоиться таких запоздалых раскаяний, сетований, отчаянной мифологизации, досужих друзей, апокрифов и даже посмертных тяжб?

Судьба его, какой бы она ни была, пусть и не праведной, свершилась; и в самой этой свершенности, где ничего ни отнять, ни прибавить, — фатальная красота, которой дела нет до постыдной суety живых, их запоздалого желания причаститься, соответствовать, быть рядом хотя бы с мертвым и прочее. Погибнув столь несправедливо рано, Высоцкий как будто перелистнул еще одну главу нашей печальной, позорной, глупой, несостоявшейся и вместе с тем — как теперь во многом благодаря ему выясняется — в чем-то возвышенной жизни.

Восемнадцать лет, промелькнувших после его гибели, сказались на его судьбе самым что ни на есть двусмысленным образом: с одной стороны, поэзия его, как «драгоценное вино», отстоялась, по-настоящему кристаллизовалась, с другой — сам его образ, сложность личности без конца профанируются припадками убогого пистета, приправленного отвратительными сплетнями, что смакуются с особым сладострастием.

И, разумеется, каждая годовщина его смерти широко отмечается в стране — телеканалы, как один, дружно выстреливают изрядной порцией фильмов с

участием всенародного любимца, после чего на авансцену выходят его бывшие друзья, родственники, коллеги и собутыльники — посоревноваться в скорбях и заодно свести друг с другом счеты.

Год нынешний не стал исключением — опять пресс-конференция Марины Влади, снятая на пленку с простодушным документализмом коммунальной склоки, опять преувеличенно-некорректные сравнения с Пушкиным (прямо как зощенковский управдом в своей неподражаемой речи к столетию Пушкина — мол, знали бы, что поэт Цапкин через сто лет станет как Пушкин, обязательно бы ему печку переложили), опять патетика с приклатненным надрывом, какие-то чухлые апокрифы, невнятные восклицания, дурацкие предположения и нелепые аллюзии.

И если бы не «Кинескоп» Петра Шепотинника (ТВ-6), можно было бы окончательно разувериться в нашей способности достойно скорбеть (как будто бы скорбь жанр широкоупотребительный). После короткого и элегантно вступления, без подобающих в этих случаях кликушества и морализаторства Шепотинник помещает в кадр первую жену

женщины — по-русски жертвенная Людмила и русская иностранка Марина «де Полякофф»; одна — спасительница, другая — муза. Досталось же им обоим.

И если можно хоть что-то понять в чужой судьбе — тем более судьбе незаурядной, хоть как-то, опосредованно, проникнуться ее трансцендентальным, а не житейским промыслом, то, наверное, понять можно из таких вот крупниц внезапно, нечаянно извлеченного смысла, каковым озаряется монолог бесконечно любящего, духовно — а не по праву законной супруги — близкого человека. Хотя сама Людмила прекрасно осознает, что нельзя жить отраженным светом, вечно крутиться в орбите чужой планеты. И тем не менее — признается она — нельзя не подчиниться ее чудовищной центробежной силе. Она и по сю пору — в этом и слабость ее, и громадная духовная сила — втянута в эту орбиту, в вечный круговорот любви. Любви, а не ненависти, сведения счетов, запоздалых укулов самолюбия.

«Когда я уходила, — говорит она, — я как будто со стены себя сдираала...»

● Диляра ТАСБУЛАТОВА